

Б. И. ОСИПОВ

К вопросу об орфографии и пунктуации протопопа Аввакума

(На материале Пустозерского сборника)

Одним из плодов жесткой регламентированности нашей теперешней орфографии и пунктуации является то, что современные исследователи, наталкиваясь на частые отклонения, скажем, от морфологического принципа правописания в памятниках XVI—XVIII вв., подчас придают этому факту слишком большое значение. Режущие глаза современному читателю, даже и ученому, фонетические написания иногда дают повод для поспешных выводов о ведущей роли фонетического принципа в орфографии того или иного писца либо об отсутствии у него определенных норм письма вообще.

Очень интересно в этом плане письмо протопопа Аввакума.

Начнем рассмотрение с его орфографии. В последние годы она стала предметом внимания В. А. Чернова и В. В. Колесова.¹ Выводы авторов относительно отражения в орфографии фонетических черт языка существенно расходятся. В. А. Чернов в весьма категорической форме говорит об акающем характере говора Аввакума, хотя приводимые в доказательство примеры в большинстве своем очень и очень спорны. Это прежде всего относятся к написанию *а* в глагольных формах *коратать, покаряться, укарять*, где могли быть рефлексы количественного чередования $\acute{o} : \bar{o} \rightarrow o : a$. Но как примеры орфографической передачи аканья спорны и заимствования: *гараздо, таварищ, казакамъ, в манастырь*, имевшие в языках-источниках <а> и проявлявшие в русском неустойчивость огласовки, и ряд других случаев, например *тараканы, дамашникъ* и т. п., где имеются условия для межслоговой ассимиляции. Еще менее доказательны примеры на иканье: так, утверждение, будто в словах *здышней, конюшей, писанейце* буква *е* пишется «на месте этимологического [и]»,² — просто ошибка. Более убедительна аргументация в пользу еканья, хотя и она не безупречна: например, *я* в *боаря* — рефлекс морфологического, а не фонетического явления.

В. В. Колесов, справедливо указывая на поспешность ряда выводов В. А. Чернова, проявляет, наоборот, крайнюю осторожность и настаивает на том, что написания Аввакума не могут нести прямой информации о его диалектной фонетике, так как «орфографические условности (с допустимыми колебаниями и вариантами) основаны здесь на русском произношении, но уже настолько обобщены как явления письма, что интер-

¹ Чернов В. А. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» как памятник живого русского языка XVII века: (Опыт реконструкции фонетической системы индивида по письменному памятнику). Л., 1974; Колесов В. В. Лингвостилистическая характеристика автографов Аввакума и Епифания. — В кн.: Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975, с. 240—266.

² Чернов В. А. «Житие протопопа Аввакума...» ..., с. 17.

претация фонетического их субстрата фактически невозможна». Исследователь высказывает мнение, что «из произношения в написание допускаются только фонетически непроверяемые написания».³ Правда, не совсем ясно, почему к таким написаниям отнесены случаи типа *книге, на лавке* (ср. написание *по щоке* и т. п., где окончание ударное). Можно спорить и о некоторых других примерах, приводимых на этот счет, но в общем вывод В. В. Колесова заслуживает серьезного внимания: если в практике писцов XVII в. фонетически писались, видимо, все же не только непроверяемые орфограммы, то утвердился в норме и дошли до нашего времени действительно почти одни непроверяемые. Особенно же важной является мысль о наличии в письме XVII в. устойчивых орфографических условностей. На это обстоятельство указывает в др. связи Г. А. Хабургаев.⁴ Мы неоднократно отмечали факты, когда в памятниках XVI—XVII вв. смешение *a* и *o* наблюдается в каких-то определенных словах, не затрагивая других. Это тоже подтверждение чисто орфографической природы подобного «аканья».

Однако полемика В. В. Колесова с В. А. Черновым касается гласных. Обращая к орфографии согласных, как она представлена в Житии Аввакума по Пустозерскому списку (л. 4—60 Пустозерского сборника).⁵ Здесь приходится отметить, во-первых, гораздо меньшую устойчивость орфографии: той закрепленности фонетических написаний за определенными словами или морфемами, которой характеризуются «акающие» написания гласных, здесь нет или, во всяком случае, она хуже выражена. Правда, непроверяемые написания вроде *изба, гдѣ, трижды* последовательно фонетичны, но их закрепление в орфографии относится к более ранней эпохе. Колебания же между морфологическим и фонетическим написанием согласных охватывают практически неопределенный круг лексических и морфемных единиц. Примеры передачи оглушения: <z> → <s> — *исписто(ли)* (= из пистоли, л. 16 об.); <ž> → <š> — *ташко* (л. 15), *лошку* (л. 25); <b> → <r> — *чре(з)хрелты* (л. 38), <d> → <t> — *бритобра(т)ца* (= бритобрадца, т. е. брющего бороду; л. 18 об.), *вло(т)ку* (л. 36), *неумывальсвѣть* (л. 36 об.). Последний пример интересен как довольно редкий случай передачи оглушения не перед глухой фонемой, а на конце слова. Примеры передачи озвончения: <s> → <z> — *здѣла(л)* (л. 48 об.), *згод(м)* (л. 14); перехода свистящих в шипящие: *жжечь* (л. 43), *доцѣнко(в)* (л. 49 об.); последний пример также относится к древним и издавна закрепившимся в орфографии случаям ассимиляции); перехода <k> в <x>: *жкорѣте* (л. 60); перехода <č> в <š>: *што* (6 раз); перехода <d>, <t> в <s>: *внижегоро(ц)кихъ* (л. 13), *вбра(ц)жои* (л. 36); перехода <s> в <c> на конце возвратных глаголов: *вида(т)ца* (л. 56 об.), *крѣсти(т)ца* (л. 30 об.); диэрезы в консонантных группах: *бѣ(з)ны* (л. 33), *упразни(т)ся* (л. 31 об.), *сѣ(р)ца* (л. 46 об., — при обычных написаниях с *д*). Относительно диэрезы надо указать на особенность, которую мы отмечали в целом ряде памятников XIV—XVI вв., но которая для XVII в. является уже исчезающей: диэреза передается в группе <zdn>, но не передается в <stn>; ср. *преле(с)тно* (л. 57 об.) и другие случаи с *т*.

С другой стороны, имеется масса написаний, не отражающих позиционных мен. Ср. морфологические написания согласных в позиции оглушения, включая безъеревые предлоги и приставки: *во(з)ста(в)ше* (л. 58 об.) *ра(з)сыпалиса* (л. 60 об.), *бѣ(з)нрестанно* (л. 43 об.), *и(з)ступи(л)* (л. 40):

³ Колесов В. В. Лингво-стилистическая характеристика автографов Аввакума и Епифания, с. 226.

⁴ Хабургаев Г. А. Локальная письменность XVI—XVII вв. и историческая диалектология. — В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969, с. 119.

⁵ Далее при цитировании этого списка по изданию «Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания» листы указываются в тексте в скобках.

бе(з)правила (л. 55), подъяерьса (л. 50 об.), неадише (л. 52), ума(з)чи(л) (л. 46 об.; ср. на л. 29 *лехче*), чтобъ (л. 44 об.), иовсеца (л. 41 об.), об-
щеже (л. 11 об.), мужъ (л. 20), кб(о)гу (л. 13 об.) и др.; в позиции ас-
симилиации свистящих шипящими: во(з)желала (л. 59 об.), ра(з)жежение
(= разожжение, л. 15), не(с)чанаа (л. 40), исчезаетъ (л. 53) и др.; в по-
зиции аффрицирования <t>: и(з)бога(т)ство(м) (л. 48 об.); в позиции аф-
фрицирования <s>: упразни(т)са (л. 31 об.).

В таблице даем количественное соотношение между морфологическим и фонетическим написанием согласных в Житии.

Фонетический процесс	Число случаев его в тексте	Процент фонетических написаний	Фонетический процесс	Число случаев его в тексте	Процент фонетических написаний
Оглушение <b, b'>	21	9.5	Переход <g> → <x>	29	5.9
Оглушение <v, v'>	360	—	Переход <k> → <x>	2	100.0
Оглушение <d, d'>	103	22.3	Переход <d, t> → <c>	9	33.3
Озвончение <t, t'>	42	—	Переход <s> → <c> в возв- ратных глаголах	50	30.0
Оглушение <z, z'>	136	61.0	Переход <s> → <s'> в возв- ратных глаголах	5	40.0
Озвончение <s, s'>	52	95.1	Переход свистящих в шипя- щие	45	54.3
Оглушение <ž>	18	54.6	Диарежа в группах соглас- ных	32	34.4
Озвончение <š>	4	100.0	Переход <č'> → <š> в <što>	20	30.0
Оглушение <g>	29	—			
Озвончение <k>	42	66.7			

Итого в тексте 999 случаев возможных изменений согласных фонем, связанных с позицией, но на письме передано лишь 26.7 % таких изменений. Для сравнения: в Коншинском списке Домостроя (XVI в.) эта величина равна 19.4 %, т. е. налицо заметный рост фонетических написаний. Вместе с тем неотраженность оглушения <v>, <v'> и, напротив, последовательное отражение озвончения <s>, <s'> там и там составляют норму. Причины этого достаточно прозрачны. Отсутствие написаний вида *офсеца* связано не только с более поздним и несовместным оглушением <v>, <v'>, но и с малой частотностью буквы *ѳ*, осложненной к тому же дублетностью *ѳ*. Здесь мы имеем как раз случай, когда по орфографии невозможно судить, было ли оглушение данной пары фонем в говоре писца. Наличие озвончения <s>, <s'> сомнения вызвать не может, однако его последовательная орфографическая отраженность отнюдь не значит, что оно осуществляется последовательней, чем, допустим, озвончение <t> или <š>: передача на письме позиционных изменений фонем <z—s>, их чередования в конце безъерых приставок и предлогов, а также в таких словах, например, как *отверстие*, имела давнюю традицию и была перенесена на новые консонантные группы. Менее последовательная отраженность оглушения <z>, <z'> связана, видимо, с более поздним протеканием этого процесса.

Так обстоит дело с передачей позиционных изменений фонем в рукописи Аввакума. Рассмотрим отражение исторических изменений. Аввакум сме-
шивает *ѣ* и *ѣ'*, хотя и старается выдержать здесь традиционную орфогра-
фию и ошибается не очень часто. Конвергенция <ѣ> — <ѣ'> происходит
в случаях, когда лабиализация <ѣ> уже потеряла свой позиционный ха-
рактер. Следовательно, морфологическому принципу теперь соответствовала
бы передача этого изменения. Но лишь в двух случаях мы видим напи-
сания *жорновъ* (л. 31 об.), *нашоль* (л. 47). Сюда можно добавить еще на-
писание *о* в безударном слоге: *поцокѣ* (л. 33 об.) и *мнѣжо* (л. 59 об.).
Конечно, после парных по мягкости-твердости согласных передача <о> без
буквы *ѣ* затруднительна, но и после шипящих и <с> она передается Ав-

вакумом обычно через *е*: *ижжеть* (л. 31 об.), *шель* (л. 34), *пришелъ* (л. 47 об.), *крь(л)це* (винительный падеж, л. 60). Менее традиционны написания флексий местоименного склонения в родительном падеже: преобладают написания *лежачева* (л. 33 об.), *другова* (л. 18 об.), *некрещенова* (л. 17), *ево* (л. 16 об.), *всеево* (л. 17), *одново* (л. 18 об.); написаний же вида *нашего* (л. 42 об.), *живаго* (л. 42 об.) только 55 на 154 случая (35,7%).

Итак, Житие Аввакума принадлежит к той группе памятников XVII в., которые развивают тенденцию к внедрению фонетических написаний. Но назвать его орфографией фонетической все-таки никак нельзя. Фонетизм и здесь лишь тенденция, но не норма. За исключением отдельных фонетических написаний, которые действительно претендуют на нормативность (случаи передачи <с>→<з>), нормативны в общем и целом написания, соответствующие морфологическому принципу орфографии, т. е. такие, при которых позиционно изменившиеся фонемы после своего изменения передаются так же, как передавались до него. Заметную роль продолжают играть традиционные и символические написания, но об определяющем их значении тоже говорить нельзя.

Вкратце остановимся на пунктуационных особенностях автографов Аввакума.

История древней и средневековой русской пунктуации еще очень плохо изучена, и это затрудняет детальный анализ пунктуационных приемов наших старинных писцов. В общих же чертах пунктуация Аввакума может быть охарактеризована следующим образом.

Для XVII в., когда арсенал знаков препинания уже заметно обогащается, она довольно архаична: хотя Аввакум наряду с точками употребляет и запятые (принимающие подчас вид зигзагов), функционально у него один знак, точка и запятая — лишь его графические варианты.

Какова функция этого знака? Судя по всему, она остается той же, какой была функция точки во множестве русских памятников XI—XVII вв.: обозначение границ актуального членения текста.⁶ Рассмотрим пример: *«А се по мале времени по писа(н)ном(у). ѡбъѡша ма болъзни сме(р)тныа. Бѣды адовы обыдоша ма. Ско(р)би ѿ болъзнь ѡбрѣто(х)»* (л. 16). Здесь особенно показательна точка после слова *по писа(н)ном(у)*, где заканчивается обстоятельство времени, составляющее тему данного высказывания (типичная функция препозитивных обстоятельств в разрезе коммуникативного синтаксиса).⁷ Остальные точки приходится на случаи совпадения границ коммуникативных и конструктивных компонентов и поэтому менее показательны для специфики старинной пунктуации, хотя именно в этих случаях знаки препинания ставятся, быть может, наиболее последовательно. Ср. еще один образец пунктуации Аввакума: *«Не почиваа а(з) грѣшный во црква(х) ѿ в домъхъ ѿ на распѣтиахъ. По градо(м) ѿ села(м). Еще же ѿ во цр(с)твѣющемъ градѣ. И во странѣ сибирской. Проповѣдѡа ѿ уча словъ бжю. Годовъ бѣде(т) томъ с по(л)третьа(т)цет* (л. 14—14 об.).

⁶ См. об этом: Осипов Б. И. Как ставили знаки препинания в Древней Руси. — Русская речь, 1978, № 2.

⁷ Эта функция и привела к ошибкам теории «детерминантов», в которой обстоятельство такого рода были объявлены особым компонентом предложения, относящимся не к сказуемому, а «к предложению в целом». К предложению в целом (точнее, ко всей остальной части предложения) они относятся лишь с коммуникативно-синтаксической точки зрения (но с этой точки зрения и сказуемое, являющееся темой, тоже относится не к одному только подлежащему, а к реме в целом и является «детерминантом»). В системе же конструктивного синтаксиса эти конструкции на уровне членов предложения являются, несомненно, обстоятельствами, зависимыми от сказуемого, а на уровне словосочетаний — релятивными компонентами, зависимыми от глаголов. Заметным шагом к выходу из теоретической путаницы в этом вопросе является статья О. А. Крылова «Детерминанты в аспекте коммуникативного синтаксиса» (Вопросы языкознания, 1976, № 2, с. 43—52). Автор ее, не отказываясь от упомянутой теории, показывает, что в ней произошло смешение коммуникативного и конструктивного аспектов.

Кроме того, нельзя не отметить, что пунктуация Аввакума заметно отличается от пунктуации другого писца Пустозерского сборника — старца Епифания. Пунктуация Епифания богаче: у него встречаются четко различаемые не только графически, но и функционально запятая, точка и точка с запятой. Впрочем, точка встречается спорадически, в роли основного межфразового знака выступает точка с запятой, а запятая делит фразу на актуальные компоненты.

Такое различие пунктуационных приемов у современников, даже сподвижников (при значительном сходстве их у писцов, подчас разделенных большим хронологическим промежутком) — также одна из специфических черт старинной системы постановки знаков препинания. При все том есть основания говорить о ней как о единой в своих существенных качествах системе. Во всех проявлениях старинная пунктуация, во-первых, связана с коммуникативным, а не с конструктивным синтаксисом; во-вторых, пунктуационная норма носит «однонаправленный» характер, т. е. конец предикативной единицы, темы или ремы внутри ее, синтагмы внутри темы или ремы — все это достаточные, но не необходимые условия для постановки знака препинания. Знак препинания по этой норме не может стоять внутри минимальной синтагмы, но на границе этой синтагмы или более крупной единицы актуального членения, вплоть до самостоятельного предложения, постановка его является лишь возможной, а не обязательной. Эта особенность старинной нормы тоже часто не учитывается современными исследователями, которые в разной пунктуационной обозначенности одинаковых как будто конструкций подчас видят безграмотность, непоследовательность или небрежность писца.